

Ричард Лахман

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Беседу вел Руслан Хестанов

Что вы можете сказать об исторической эволюции американских институтов власти?

Властные институты США сформировались революцией. Первыми властью предрержавшими были революционеры, которые требовали прав собственности на землю и доступа к государству. Даже Джордж Вашингтон до революции имел большие плантации, расположенные к западу от территории британской колонии. Его земли находились там, где жили индейцы. Вашингтон добивался того, чтобы его земли получили статус неотчуждаемой собственности.

В контексте американской истории, власть была связана в большей мере интересами региональными. Система штатов играла очень важную роль, предотвращая появление общенациональных олигархов. До и после гражданской войны в США появились инвесторы, которые, используя британский капитал, могли получить полный контроль над отдельными новыми секторами промышленности. Ситуация была похожа на то, что происходило и сейчас происходит в России — Джон Рокфеллер мог контролировать всю нефтяную промышленность, а Карнеги — промышленность сталелитейную. Поскольку обычно отдельная отрасль находилась на территории какого-то конкретного штата, эти лица могли также поставить под контроль правительство штата. Обретенную политическую силу они использовали против вмешательства в свои дела и дела штата со стороны федеральных властей. Эти люди объединяли свои усилия с другими такими же олигархами в других штатах с тем, чтобы контролировать национальное правительство.

Правда, иногда ситуация менялась не в пользу олигархов. В самом начале двадцатого века возникло сопротивление — народные движения, которым удалось ослабить власть олигархов в некоторых штатах.

Кто сопротивлялся власти олигархов?

Главным образом это были интеллектуалы и журналисты, которые в газетах рассказывали массам о том, как олигархи присваивают их деньги и манипулируют правительством. Популярная поддержка исходила со сто-

роны людей, занятых в сельском хозяйстве. В те времена существовала третья партия, называвшаяся «народной». Ее активно поддерживали фермеры. Поскольку в США существует система одномандатных округов, «третья партия» часто пользовалась этой возможностью: когда их кандидаты побеждали на выборах, они вливались в демократическую партию. Короче говоря, тогда популярным слоям удалось обрести большое влияние. Главным законом, который им удалось провести, был Антимонопольный акт, позволявший федеральному правительству разрушать монополии, разбивая их на несколько компаний. Таким образом, власть олигархов была ослаблена.

Вторая волна сопротивления олигархам наступила во время Великой депрессии, от которой США пострадали в большей степени, чем какая бы то ни было другая промышленно развитая страна мира. Теодор Рузвельт, многие другие демократы и левые силы способствовали принятию целого ряда законов против монополий в банковской сфере, в секторе муниципальных и коммунальных услуг. Ими была создана законодательная база, позволившая рабочим организоваться в профсоюзы. Это положило начало системе социального благосостояния. Выросшие рабочие, фермерские и ветеранские организации были также организованы на локальном уровне — на уровне штатов.

Даже после того, как импульс «Нового курса» сошел на нет, корпус созданного законодательства после Второй мировой войны снова стал актуален. Возникла большая проблема обустройства миллионов вернувшихся домой с войны ветеранов: где найти им жилье, какую предоставить работу? Первое предложение сводилось к тому, чтобы выплачивать каждому ветерану в течение нескольких месяцев зарплату. Однако организации ветеранов — довольно консервативные и реакционные в настоящее время — вмешались в разработку этого законодательства. Первые ветеранские союзы были созданы сразу после Первой мировой войны и существовали в США практически повсеместно. Они заявили, что просто дать деньги недостаточно. Ветеранам войны необходимо предоставить возможность получить образование, обеспечить доступ к дешевым кредитам на покупку жилья, предоставить бесплатные медицинские услуги. Они добились принятия особого законодательства по всему кругу этих вопросов и, таким образом, существенного расширения программы «Нового курса».

Демократическая партия возникла не благодаря либералам, но из таких местных самодельных организаций. Но они сильно ослабли за последние 50 лет. Бизнес практически способствовал роспуску профсоюзов, а государство отказалось их поддерживать. Другие организации просто сошли со сцены, поскольку люди вообще и активисты в частности стали более мобильны, начали переезжать с места на место в поисках более успешной карьеры. Хотя движение за женскую эмансипацию усилилось, но оно повлияло только на то, что женщины более активно стали заниматься своей карьерой. Женский ресурс оказался во многом потерян для таких местных организаций.

Почему в Европе сильные местные организации и органы местного самоуправления чаще воспринимались центральной властью как угроза сепаратизма? Почему Соединенным Штатам, несмотря на развитие автономии местной политики, удалось остаться «соединенными»?

Думаю, ситуация в Европе несколько иная — там был феодализм и опасались раздробленности. Кроме того, тамошние олигархи были скорее не национальными, а региональными. Появление национальных правительств подрывало основу их существования. Многие из европейских правительств были явно недемократическими, но именно борьба с олигархией вынудила их наделить определенными полномочиями профсоюзы, политические партии и тому подобные организации. Так что динамика процесса в Европе несколько отлична от американской.

Такая политика была унаследована от Великобритании?

Ну, в Англии за редким исключением олигархов не было. Так что Англия с исторической точки зрения пример нетипичный. Там не было олигархов, но были значительно менее крупные землевладельцы, которые могли выносить свои отношения на политическом поле, и там издавна сложилась настоящая двухпартийная система, хотя в свое время электорат и состоял лишь из 5-10% взрослого населения. Это интересный парадокс, когда в стране нет демократии, но есть здоровая политическая конкуренция, которая противодействует появлению олигархии. И даже власть и возможности богатых промышленников или аристократов существовали в контексте двухпартийной системы. Во многом благодаря отсутствию олигархов Великобритания оказалась столь гибкой и готовой к реформам страной.

Как в США сформировалась национальная олигархия? Был ли это процесс простого накопления капитала или более сложный, нелинейный процесс, сопровождавшийся ожесточенными политическими схватками?

Думаю, главную роль сыграли именно такие схватки, поскольку концентрация сама по себе не всегда достаточно эффективна. В американской экономике периодически проходят волны реструктуризации. В 60-е годы была популярна так называемая «теория конгломератов», в соответствии с которой считалось наиболее эффективным иметь и постоянно приобретать активы в отраслях непрофильного для компаний бизнеса. Считалось, что это поможет фирме войти в новую, более перспективную отрасль. Но со временем эта модель была признана не столь уж эффективной, и огромные многопрофильные конгломераты начали дробиться на отдельные компании. Значительная консолидация бизнеса так или иначе была возможна только через преодоление политических барьеров, воздвигнутых в результате реформ начала XX в. и 30-х гг. Для этого нужно было только преодолеть установленные законодательством ограничения на размеры компаний, условно разделивших на части по отдельным отраслям.

Например, в банковской отрасли законодательство выделяло несколько изолированных областей. При регистрации банка необходимо было указывать, в какой из них он будет работать. Регулировались также источники формирования капитала: куда можно, а куда нельзя вкладывать деньги. Система не позволяла крупнейшим американским банкам разрастись до гигантских размеров. Поэтому до сих пор самые большие американские банки обычно меньше, чем крупнейшие европейские или японские. И только в последние годы некоторые ограничения на сферы деятельности для банков были сняты. Это немедленно привело к созданию нескольких действительно очень крупных банков. Но опять-таки их размеры не являются залогом эффективности работы. Например, CitiBank и несколько других американских банков в начале 70-х гг. решили вложить значительную часть своих активов в кредитные обязательства правительств ряда бедных развивающихся стран третьего мира. И когда грянул нефтяной кризис, их вложения оказались под угрозой, а CitiBank — на грани разорения. Тогда банк в буквальном смысле был спасен американским правительством, которое, во-первых, оказало беспрецедентно сильное давление на правительства этих стран, заставив их не объявлять дефолт, а во-вторых, само выкупило часть этих обязательств.

Насколько тесно в США переплетены интересы банковской системы и государства?

Коррупция в сфере взаимоотношений государства и банков традиционно имела место в форме преференциального отношения к определенным банкам, которым государственные деньги доверялись на выгодных условиях. Но эта практика была сильно ограничена после череды скандалов в 60-70-х гг. Конечно, определенные формы коррупции существуют и сегодня. Например, государство, выпуская облигации, пользуется услугами определенных банков, чей выбор происходит не в результате честной конкуренции, а по иным причинам. Наиболее распространены такие формы коррупции, когда государство стимулирует определенное производство и выдает крупные субсидии — это так называемые программы экономического развития. Другая распространенная форма — заключение контрактов с компаниями, производящими потом продукцию по неоправданно высоким ценам. Коррупция проявляется в раздаче компаниям налоговых преференций. Но иногда субсидии, которые выдаются фирмам, совершенно астрономические. Не в последнюю очередь такая коррупция возможна из-за идеологической убежденности бюрократов в существовании честной игры, реального соревнования между компаниями за субсидии. Однако на самом деле победа в тендерах достается благодаря коррупции и взяткам.

Вы, конечно же, читали книгу Дэвида Харви «Краткая история неоллиберализма». В ней формирование новых властных институтов описано в контексте эволюции политики неоллиберализма. При этом основными агентами процесса выступали именно политики, вроде Маргарет

Тэтчер и Рональда Рейгана. Какую роль в создании новых институтов сыграл бизнес?

Думаю, процесс формирования новых институтов власти начался в 70-х гг., когда бизнес переживал кризис доходности. Руководители бизнеса понимали, что повысить доходность можно будет при снижении налогов и зарплат. Одновременно они опасались сопротивления и мобилизации масс. Например, большое опасение в американском бизнес-сообществе вызывало антивоенное движение времен войны во Вьетнаме. Левые были довольно сильными и добились успеха выдвинув во время президентских выборов 1972 г. демократического кандидата — сенатора Джорджа Макговерна, выступившего с весьма левой программой. И хотя он потерпел поражение, бизнес был тем не менее очень встревожен. Их сильно обеспокоил тот факт, что даже при двухпартийной системе президентские выборы может выиграть вполне левый кандидат, что кандидат почти с социалистической программой может так близко подойти к институтам центральной власти. Страх сделал бизнес политически активным.

До этого капитал финансировал обе партии, рассчитывая на определенные привилегии. Но теперь его участие в политической жизни страны стало более идеологизированным. Это проявилось в двух вещах. Во-первых, от равной поддержки обеих партий он перешел к значительно более заметной поддержке республиканцев. Во-вторых, частный бизнес создал целую сеть аналитических институтов, журналов и газет, ставших рупором их точки зрения, сейчас известной как неолиберализм. Так что Рейган и Тетчер не стояли у истоков этого процесса. Они просто актуализировали на политическом уровне потребности, сформировавшиеся в бизнес-среде. Рейган просто очень много читал эти самые газеты и журналы и много думал над тем, как ему донести до широких слоев населения эту, по сути, очень реакционную политическую программу, чтобы она не выглядела в глазах избирателей вредной. Его огромным достижением было выставление этой программы перед общественностью в позитивном свете. К моменту прихода Рейгана в Белый дом один из наиболее влиятельных аналитических институтов представил развернутую программу, где подробно указывалось, какие законы необходимо принять в каких отраслях, куда необходимо инвестировать средства в первую очередь, как должны работать те или иные контрольные органы. Эта программа стала для Рейгана и его команды практически руководством к действию.

Изменение политического климата оказало большое влияние и на Демократическую партию. Внутри нее разгорелись дебаты по поводу того, как партия должна реагировать на происходящее. И в результате этих внутрипартийных дебатов победила линия, проявившаяся в правление Клинтона. То есть демократы стали более консервативными и отказались от многих либеральных установок, за исключением, пожалуй, позиции по вопросу о феминистском движении. Было решено снова придать первостепенное значение налаживанию контакта с крупным бизнесом. Нужно было вновь склонить его к значительно более активному финансированию партии,

а для этого пришлось перенять многие элементы неолиберальной программы республиканцев. Они пошли на сближение с консерваторами, несмотря на то, что это имело для них двойственные политические последствия: хотя их претендент пришел в Белый дом, они впервые за 40 лет потеряли контроль над Конгрессом. Даже после восстановления своих позиций в Конгрессе демократы так и не получили достойной альтернативы избранному ими более консервативному курсу.

Когда мы говорим о бюрократии, то у нее и у всех подобных структур есть определенный этос и самосознание. Есть ли этос и самосознание внутри олигархии? Ведь олигархат должен координировать свои усилия, формулировать и актуализировать свои взгляды?

Внутри этого слоя идут многолетние дебаты по поводу того, насколько активно и агрессивно они должны действовать, на каких направлениях необходимо сосредоточиться в первую очередь, какие элементы «Нового курса» они не должны пытаться преодолеть, поскольку это слишком сложно и может привести к потере политической поддержки. У них в распоряжении имеется необходимое дискуссионное пространство — аналитические институты проводят конференции, люди пишут и издают книжки, где подробно рассматриваются различные варианты дальнейшего движения со всеми их сильными и слабыми сторонами. Им удается представить наиболее реакционные идеи как прогрессивные. Например, они добились значительного успеха, выработав новую позицию в расовом вопросе и в выработке языка общения с различными расовыми группами, населяющими Америку. Им удалось выигрывать выборы даже в традиционной вотчине демократов — на Юге. Перелом наступил тогда, когда им удалось достучаться до пестрого в расовом отношении населения Юга. Им удалось это сделать, когда они заговорили с расистами, избегая прямой постановки расового вопроса: они заговорили о проблеме бедности, убедив население, что бедность происходит из-за того, что правительство дает бедным слишком много пособий, которые способствуют развитию пассивности и лени, уничтожают стимулы к труду. Этот аргумент оказался очень удачным и был очень хорошо воспринят избирателями, став основой для критики множества социально-экономических программ демократических администраций. Основываясь на теоретических разработках своих аналитических институтов, пришедшая к власти республиканская администрация смогла провести в жизнь множество изменений, которые до того не были очевидны в силу громоздкости управленческой системы, запутанности законов и недостаточности внимания СМИ к основным проблемам жизни страны.

Уместно ли говорить об олигархии как об альтернативном центре силы в контексте американской действительности?

Исторически олигархи всегда стремились к автаркии, к обособлению и изоляции. Они стремились закрепиться в определенном географическом регионе, занять определенную экономическую нишу и контролировать ее,

не опасаясь внешнего вмешательства. Но это не означает, что в их руках находится сила национального государства. Им было важно, чтобы их власть в конкретном районе или конкретной отрасли, где они закрепились, была неоспоримой. В перспективе это приводит к раздроблению общенациональной экономики и ослаблению государственной власти, делая их слабыми и неэффективными. И в определенной мере им это удавалось. Это делалось без прямого и явного ущерба для простых людей, но наносило серьезный ущерб другим бизнес-структурам. Хороший пример — скандал вокруг корпорации *Enron*. Обычно скандал объясняется манипуляциями с биржевыми ценами на акции компании. Но *Enron* не этим заработал большую часть денег. А дело в том, что из-за дерегуляции цен на энергоресурсы в разных штатах компания получила возможность проникать на эти рынки и манипулировать ценами на энергоносители. И это в первую очередь ударило не по домохозяйствам, а по крупным компаниям, которым нужна была электроэнергия для производства. Обычно, когда одни капиталисты притесняют на рынке других, притесняемые обращаются в специальное федеральное агентство с жалобой. Агентство разбирает ситуацию и заявляет: «Да, цены действительно завышены и их необходимо сбить». Но в случае с *Enron* этого не произошло, поскольку эта корпорация была напрямую и весьма близко связана с президентом Бушем. Сложилась типичная ситуация, когда один олигарх приобрел такую силу, что мог свободно притеснять капиталистов в их традиционных вотчинах на всей территории США.

То есть имело место сочетание двух монополий — экономической и политической? В этом свете, не движутся ли в похожем направлении европейцы, собирающиеся дерегулировать свой энергетический рынок?

Да, я думаю, что Европа следует той же модели. На первом этапе покупаются коммунальные предприятия по низкой цене, затем их перепродают по более высоким ценам, поскольку меняются регулирующие нормы и цены на коммунальные услуги. Это дает возможность быстрого извлечения прибыли, но имеет долгосрочные последствия для энергетического рынка — цены растут. Кроме того, подрываются усилия по контролю за охраной окружающей среды. Ведь если появляется хотя бы одна монополия, то государство вводит правила, по которым коммунальные предприятия вместо того, чтобы покупать новые подстанции, меньше загрязняющие воздух, будут прибегать к паллиативным мерам по ограничению и консервации существующих выбросов. До освобождения рынка в США домовладелец мог прийти в коммунальное предприятие и сказать: «Я хочу более эффективную систему домашнего отопления», — и предприятие оплачивало часть этой покупки, поскольку отопление в этом случае обходилось дешевле, давая значительную экономию энергии. Но после дерегуляции коммунальные предприятия стали существовать лишь для того, чтобы продавать электроэнергию, и чем больше будет цена, тем больше они выручат от продажи. Поэтому стремление к экономии пропадает. Эта та опасность, которой европейцам следовало бы поостеречься. В противном случае прогресс,

достигнутый ими в сфере защиты окружающей среды, был бы сведен на нет после освобождения энергетического рынка.

В ходе дискуссии о дерегуляции энергетического рынка между Европой и Россией европейцы настаивают на том, чтобы Россия осуществила дерегуляцию собственного энергетического рынка. Как вы смотрите на эту ситуацию?

Думаю, европейцы делают это по двум причинам. Во-первых, они хотят, чтобы в России было несколько небольших компаний, которые бы конкурировали друг с другом и продавали бы им свои энергоносители как можно дешевле. А вторая причина геополитическая. Понятно, что если российское правительство контролирует монополиста на энергетическом рынке, это делает российское государство сильнее, чем в случае дерегулированного энергетического рынка. А европейцам не нужна слишком сильная Россия. Поэтому все советы, которые они дают России, прежде всего, в их собственных интересах, а не в интересах России.

Такие гиганты энергетического рынка как Газпром становятся одними из основных инструментов российской государственной политики, в том числе и внешней. Не опасна ли такая концентрация экономических ресурсов?

Да, внутри России это может привести к опасным последствиям. В частности, к ослаблению демократических институтов. Основным решением может стать сильная регуляция со стороны государства и большая доля государства в активах монополиста. Если в стране существует одна доминирующая партия с сильным лидером во главе, то у такого лидера естественно возникает соблазн обращаться к таким крупным компаниям, как банки, которые могли бы оплатить его политические проекты. И, как я понимаю суть договоренности Ельцина и затем Путина с олигархами, она заключалась в том, что олигархам позволялось делать огромные деньги, а взамен политики получали свободный доступ к ресурсам, которые могли использовать для реализации своих политических целей — финансирования предвыборных кампаний, да и на разные другие цели в период между выборами.

Мишель Фуко и Пьер Бурдьё описывают центр власти как некую точку, где осуществляется свободная конвертация капиталов — символического, экономического и политического. Говоря о США, вы нарисовали иную, менее абстрактную схему, в которой нет места такой точке. Насколько оправданной кажется вам точка зрения французов?

Думаю, она имеет под собой определенное основание, но вместе с тем упускает из виду некоторые важные элементы системы. Например, в США в последнее время наиболее важные идеологические дебаты происходили вовсе не на общенациональном уровне. Самые важные и значимые дискуссии имели место как раз на локальном уровне. Такая же ситуация характерна и для Великобритании.

Таким образом, мы должны смотреть на институциональные изменения, чтобы найти ту точку, где работает механизм, описанный Фуко и Бурдье, где он оказывается операциональным. Даже Фуко, который является внимательным историком, уделял меньше внимания институтам, чем новым и хорошим идеям, которые были способны, по его мнению, смести все обветшалое и устаревшее. Из его поля зрения ускользала борьба между институтами. Кроме того, хотя они уделяли большое внимание сопротивлению системе власти, они не говорили о том, откуда идет это сопротивление, где оно расположено. Как институционально должно было располагаться сопротивление, чтобы добиваться успеха.

Как в будущем будет эволюционировать описанная вами система власти в США? Какие возможны альтернативы?

Исторически существуют два пути борьбы с олигархией. Наиболее часто отпор олигархия получала не от консолидированного народного движения, но благодаря соперничеству правящих элит. Например, в Великобритании, где олигархии не было даже тогда, когда она стала мировой империей. Там не было олигархии не благодаря наличию демократии со всеобщим избирательным правом, поскольку она сложилась в стране в XX веке, уже

после того, как страна перестала быть мировой империей. Олигархии удалось избежать, поскольку существовал баланс между конкурирующими центрами силы и интересов. Другая альтернатива связана с тем, что мы живем в эпоху, когда в некоторых регионах мира существует массовая демократия, которая оказывает влияние на государственную политику. И здесь важно посмотреть, существуют ли в той или иной стране основы для общественных сил консолидировано выражать свою точку зрения. Когда я смотрю на США, то вижу довольно пессимистическую картину, потому что в большинстве исчезли организационные основания многих общественных движений и групп. И едва ли не единственная из оставшихся основ такого рода — церковь, которая стоит на крайне реакционных позициях. Но с другой стороны, такие общественные организации порой возникают очень быстро и практически на пустом месте. Например, до 30-х гг. XX века в США фактически не было рабочего движения, но оно вдруг очень скоро сформировалось и организовалось. Точно так же в конце XIX века, когда экономический спад сильно ударил по фермерам, они очень быстро создали свои

ЕСЛИ В СТРАНЕ СУЩЕСТВУЕТ
ОДНА ДОМИНИРУЮЩАЯ ПАРТИЯ
С СИЛЬНЫМ ЛИДЕРОМ ВО ГЛАВЕ,
ТО У ТАКОГО ЛИДЕРА ЕСТЕСТВЕННО
ВОЗНИКАЕТ СОБЛАЗН ОБРАЩАТЬСЯ
К ТАКИМ КРУПНЫМ КОМПАНИЯМ,
КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ ОПЛАТИТЬ
ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

фермерские организации, имевшие большое влияние на политику и культуру США. На сегодняшний день написано много книг о том, как была создана популярная культура, которая делала вызов культуре, господствующей в Америке. Так что бывает, такие общественные движения быстро возникают практически из ниоткуда, но все объективные факторы пока указывают на то, что в будущем в США не следует ожидать продолжения этой тенденции. Надежда на это есть, но она слаба.

Люди очень по-разному реагируют на экономическую деградацию. Например, после Первой мировой войны в России люди инициативно объединялись в профсоюзы и советы. А после «перестройки», когда экономическая деградация была вполне сопоставимой, люди оказались атомизированны. Постперестроечная разруха оказалась намного сильнее, чем после Второй мировой войны. Но люди совершенно разобщены, подавлены, и не видно признаков зарождения социальных движений, направленных на преодоление существующих проблем. Почему люди реагируют на социальные потрясения так по-разному?

Думаю, потому, что людям необходимо место, куда они могут прийти и поделиться с точно такими же людьми своей реакцией на происходящее. Крах советской экономической системы привел к тому, что очень многие лишились работы, которая была у них раньше. Соответственно они лишились и того основного места, куда могли бы прийти и поговорить с людьми, испытывающими точно такие же проблемы, обсудить с ними, как на все это реагировать, что делать дальше, какие шаги предпринять.

Но в США как раз с этим тоже есть проблемы. Социальная мобильность очень высока, люди постоянно переходят с одной работы на другую, переезжают из города в город, и это, конечно же, мешает их эффективной самоорганизации. Профсоюзам стало труднее организовывать рабочих в таких условиях. С исторической точки зрения, когда страна проигрывает войну, это, несомненно, имеет сильные внутривнутриполитические последствия. И то, что США фактически уже проиграли в Ираке, окажет в самом ближайшем будущем свое влияние на политику—у людей появится озлобленность, активизируются политические дискуссии.

Вы говорили о религиозных общинах как своеобразных центрах организации сопротивления. Какие еще возможности для самоорганизации людей вы видите в современных городах и в провинции?

Думаю, что религиозные организации играют в этом смысле основную роль. Их успех можно объяснить тем, что они занимаются не только собственно религией. Они создают школы, спортивные клубы для детей и для взрослых, самые разнообразные специализированные клубы. Если вы в США переезжаете, скажем, в другой город, то, желая включиться в его социальную жизнь, вы можете сделать это наиболее быстро, когда пойдете в религиозную общину, когда начнете посещать организованные церковные институты. Там вы встретите похожих на вас людей, которых объединили

схожие интересы и взгляды. Там вы обязательно найдете политических единомышленников. Церковь традиционно инициировала дискуссии против аборт, против расширения прав сексуальных меньшинств, но в последнее время она этим не ограничивается. Ситуация меняется. Сегодня в этих консервативных религиозных общинах активно обсуждаются вопросы защиты окружающей среды. Религиозные лидеры говорят, что Бог велел человеку бережно относиться к природе. Так что, несмотря на свой консерватизм, в этом вопросе церковь находится в оппозиции к Республиканской партии. В будущем это может привести к расколу внутри Республиканской партии по ряду вопросов. Это будет иметь очень большие политические последствия.

Может ли идеология этих религиозных общин стать основой для поворота США к политике изоляционизма?

Думаю, это возможно. Изоляционизм всегда был очень влиятельной силой в США. Он переживал спад во время Второй мировой войны, но сегодня эти настроения по-прежнему распространены. Вполне возможно, что новая волна изоляционистских настроений поднимется в результате поражения в Ираке. Многие будут утверждать, что Америка подверглась террористическим атакам из-за того, что слишком сильно влезала в дела других стран. Будут громче раздаваться голоса тех, кто считает, что США необходимо выработать новый курс, который позволит отказаться от преследования такого количества национальных интересов во всех уголках планеты. Эта проблема получит и экологическое измерение. Будут говорить, что если бы США более экономно относились к энергоресурсам, то не было бы никакой необходимости столь сильно вмешиваться в региональный конфликт на Ближнем Востоке, что не стоило так надрываться, пытаясь установить там свой порядок—пускай они там все хоть переубивают друг друга. Многие политики обеих партий уже экспериментируют с такой аргументацией, а в скором времени такие разговоры могут стать главной темой в американской политике ближайших лет.

Судя по тому, что вы говорите, Америку ожидает новый поворот к консерватизму. Он вас не пугает?

Он, естественно, может вызывать страх и озабоченность, поскольку существуют такие крайние проявления консерватизма, как расизм, стремление к ограничению прав женщин или сексуальных меньшинств. Такой поворот всегда приводит к негативным следствиям. Но с другой стороны, если думать о том, откуда нынешняя политика может встретить сопротивление, то религиозная и консервативная среда оказывается единственной, откуда может исходить такая энергия протеста. Это один из парадоксов общественной жизни США. Источником тревоги является тот факт, что общественное движение в США в последние годы по преимуществу носит реакционный характер. Прогрессивные силы в США долго размышляют в последнее время над тем, почему они терпят поражение в борьбе за умы людей. Одна

из догадок заключается в том, что люди были введены в заблуждение красивыми речами Рейгана, контролировавшего к тому же крупнейшие телеканалы, транслировавшие его пропагандистскую ложь. Так что предпринимались серьезные попытки понять, в чем причина успеха рейгановской идеологии, как им удалось заставить людей голосовать вопреки собственным интересам.

Многое можно попробовать понять именно тогда, когда мы поймем, как работают религиозные общины, которые предлагают определенные формы самоорганизации и конкретную и живую картину мира. Религиозные общины сегодня настолько сильны, что важно внимательно отслеживать все изменения, все процессы, происходящие внутри них.

Сегодня представители прогрессивных сил решили попытаться обрести сторонников внутри этих религиозных общин. Одним из основных политических вопросов сотрудничества с ними должно стать сотрудничество в защите окружающей среды. Но надо оговориться, что изоляционизм в одинаковой мере популярен как в левом лагере, так и в правом. Левые обосновывают свой изоляционизм тем, что США натворили в мире так много ужасных вещей, что необходимо сбавить обороты. В этом смысле стремление закрыться от мира смыкается с антиимпериализмом. Но у него есть и более неприятные проявления. Например, сильное антииммигрантское движение, подчас принимающее откровенно уродливые формы, например, в виде требований о высылке части иммигрантов.

Но ведь американцы сами создали современную неокOLONиальную модель взаимоотношений с внешним миром. И если победу одержит изоляционизм, тогда ослабнет современная американская государственность, а религиозные общины не смогут законсервировать нынешний образ жизни и традиционный уклад.

Безусловно, благополучие американской социально-экономической системы достигается путем покрытия бюджетного дефицита за счет других стран. Но это, как и все на этом свете, не может продолжаться вечно.

В России консервативные и изоляционистские настроения выражаются не столько в религиозных настроениях, сколько в требованиях этнической чистоты и солидарности. Похожие явления мы видим в Европе — например, восточноевропейский антисемитизм.

Да, это опасная тенденция. Правда, в США она выражена менее заметно. Антииммигрантское движение не имеет столь ярко-выраженной национальной подоплеки. Конечно, в США есть определенные противоречия между белым и чернокожим населением. Но все же большинство белых, говоря о необходимости ограничения потока иммигрантов, едущих в страну, скажут, что чернокожий чернокожему рознь — есть хорошие, а есть плохие чернокожие. В этом смысле показателен парадокс Буша. Частью его избирательной стратегии является довольно очевидная апелляция к расистским настроениям, особенно в южных штатах. Но это нисколько не мешало ему

иметь двух чернокожих госсекретарей в своей администрации. Склонные к расистским настроениям белые избиратели Буша рассуждают примерно так: «Если бы все негры в Америке были как Колин Пауэлл... Да я бы за такого и дочь свою замуж выдал». Есть определенное негативное отношение к латиноамериканским иммигрантам — собственно, они и составляют большинство общего потока иммигрантов в США — но и тут оно не столь сильно. Во всяком случае слабее, чем предыдущие волны антииммигрантских настроений. Думаю, возможно, изоляционистское движение в конструктивной форме. То есть за энергетическую независимость страны от внешних источников, против империалистических перегибов во внешней политике и без неприятных внутренних противоречий на расово-этнической почве.

Последний вопрос — личный. Для такого понимающего сложность социально-политических процессов человека, как вы, сложно ли принимать участие в голосовании на выборах?

В левых кругах в США один из основных вопросов, который возникает в связи с выборами, касается судьбы Демократической партии: ведь она получает деньги от крупного бизнеса. И многие говорят: «Не надо голосовать за демократов. Нам нужен третий кандидат. Например, кто-то вроде Нэйдера». На мой взгляд, избирательная система в США порочна потому, что все голоса избирательного округа достаются единственному победителю предвыборной гонки. Ведь если бы не такое правило, тогда тот же Нэyder, отдав свои голоса политически близкому кандидату, мог бы помочь избранию демократа Гора, а не республиканца Буша. Но этого не произошло, и в результате прогрессивные силы на протяжении восьми лет практически безуспешно пытались воспрепятствовать наиболее вредным инициативам Буша. Если бы президентом был Гор, задача этих сил была бы легче. Конечно, любого современного политика сложно было бы склонить к левому курсу, потому что в таком случае он сразу начнет испытывать острый дефицит финансирования. Тем не менее не думаю, чтобы это было вовсе невозможно.